

Гарри часто представлял себе, как он проведет первый день в замке Северуса, когда туда вернется. Он считал, что будет счастлив вернуться домой; он хотел немного покататься верхом, в Хогвартсе ему этого очень не хватало. Он начнет прорабатывать свой проект метлы, использует книги, которые Северус ему купил. Он поищет какую-нибудь дополнительную информацию по анимагии. Он займется алхимией, попытается понять принцип последнего шага в создании Философского Камня. Он никогда не думал, что будет вот так.

Его жизнь изменилась, когда в кабинете Северуса он прочитал то письмо; сначала его, конечно, прочитал сам мастер зелий. Он побелел как простыня и осел на стул, сжимая письмо в повисшей руке. Только потом Гарри, невероятно взволнованный и так и не добившийся от Северуса никакого ответа, выхватил письмо и прочитал его сам. И это изменило его жизнь больше, чем удалось даже встрече с Волдемортом. Он все еще помнил письмо наизусть, слова отпечатались в его сознании, оставив болезненные следы на его душе.

Дорогие Гарри и Северус,

Я знаю, что это письмо не такое, как вы ожидали. Я знаю, вы думали, что можете оставить в прошлом все свои заботы по поводу Камня, и ничто не причиняет мне большую боль, чем осознание, что я добавляю вам неприятностей.

Альбус приходил ко мне несколько дней назад, на следующее утро после того, как я получил ваше письмо, и рассказал мне официальную версию хогвартских событий, связанных с Камнем. Порой интересно наблюдать, как он игнорирует правду, даже если она там, прямо у него под носом. Но я отвлекся, причина, по которой я пишу это письмо, в другом.

Камень был возвращен мне в тот же день, когда Альбус нанес мне визит. Он спросил меня, что я намерен с ним делать; я еще не говорил ему. Я подумал, что в первую очередь должен сказать об этом вам. Я уничтожил его. Да, именно так. Вы умны, вы оба. Вы должны уже понять, что это значит. У нас с Перенель еще достаточно эликсира, чтобы привести в порядок некоторые оставшиеся дела, а затем мы умрем. Когда вы будете читать это письмо, все уже закончится.

Я знаю, вы считаете, что жестоко прощаться письмом. Думай я, что прощание сделает наше расставание легче, для любого из нас, я бы воспользовался камином в тот же миг, как мы решили, что Камень должен быть уничтожен. Но необходимо сделать все именно так; иное было бы слишком тяжело для моего старого сердца.

Я хотел сказать вам не жалеть о нас; мы жили полной жизнью. Она получилась длиннее, чем у большинства, но только вы заполнили ее. На протяжении многих лет были только мы с Перенель, и так продолжалось слишком долго. А потом появились вы; мы всегда думали о вас как о своих детях, которых у нас никогда не было. Вы принесли свет в жизнь двух очень старых людей, и за это мы навсегда в долгу перед вами.

Северус, я хочу, чтобы ты знал, что я непоколебимо верю в тебя; ты добьешься успеха в своих исследованиях. Ты правильно воспитал Гарри, ты уже прекрасно справился, и когда время придет, вы заживете полноценной жизнью. Я знаю, что сейчас вам необходимо хранить ваши секреты, но это не будет длиться вечно.

Гарри, у тебя самый большой талант к алхимии, какой я когда-либо видел. Ты напоминаешь мне меня в твоём возрасте, всегда в поиске новых открытий, никогда не останавливаясь, никогда не уставая. И что любопытно! Именно это так же всегда вело меня, знаешь ли! Ты ближе к разгадке глубинных тайн моего искусства, чем ты думаешь, но оба мы не считаем это концом обучения. Помни, что я говорил тебе о Камне, Гарри. Я не единственный, кто когда-либо создавал его; я единственный, кто сумел использовать его достаточно благоразумно, чтобы не встретить из-за него свою преждевременную кончину. У тебя творческий ум, Гарри; используй его, отточь его и никогда не переставай верить в себя. Ты выдержишь, я знаю.

Хоть убейте, я не ведаю, что еще сказать! Столько мыслей в голове, и при этом ничего подходящего! Я просто хотел, чтобы вы знали, что мы с Перенель прожили так долго, потому что мы всегда надеялись, что вот-вот найдем то, что принесет в нашу жизнь смысл. И мы нашли двух упрямых волшебников, которые сделали это для нас.

Теперь мы уходим, зная, что, раз Камень уничтожен, то стало меньше одной опасностью, меньше одним способом для Волдеморта вернуться. Мы наблюдали, как развивалась первая война, и если мы можем остановить начало следующей, мы сделаем это. В конце концов, для тех, кто жил столь долго, как довелось нам, смерть всего лишь следующее большое приключение.

Продолжайте жить своей жизнью, будьте счастливы, и помните, сыновья мои: ваша жизнь только начинается. Не позволяйте никому встать на пути у вашего счастья. Я сделаю все возможное, чтобы следить за вами, где бы я ни оказался, и я знаю, что Перенель поступит так же. Простите нас за боль, которую мы можем вам принести, и знайте, что мы любили вас, как собственную семью, как наших собственных детей. До нашей новой встречи, которая, как мы надеемся, наступит через много, много лет,

Николас и Перенель Фламел.

P.S.: Вы получите письмо от нашего адвоката по поводу присутствия на закрытом чтении нашего завещания. Я надеюсь, что кое-что из включенного в него поможет вам, коль уж мы не сможем.

Было больно. Это не изменилось и когда они покидали кабинет адвоката Фламелей после оглашения завещания. Им даже не удалось посетить похороны: как бы они смогли объяснить свое присутствие? Семья Гарри была вне себя от радости, что Адриан выздоровел, и ушли, счастливые, куда бы они там ни ходили тренировать Адриана. Гарри удалось скрыть свое горе в их присутствии. Это было не так сложно, учитывая общую заторможенность, которую Гарри ощущал. Не считая редких приступов тоски, эмоции ускользали от мальчика.

Николас оставил ему свою личную коллекцию книг, которые сейчас лежат в его – заново усиленном всеми заклинаниями, какие известны волшебникам и гоблинам, и переведенном в глубины Гринготтса – хранилище. Он попросил Северуса подождать, пока он заберет часть дневников Николаса; ему было там кое-что нужно. Он не мог просто застыть и позволить времени утекать сквозь пальцы; он просто пока не знал, что именно нужно делать. Северус получил все магические растения Перенель, которые сейчас переселялись в теплицы замка под бдительным присмотром Минни.

Ночь для обитателей замка тянулась невыносимо долго. Где-то после трех часов ночи Северус бросил бесплодные попытки уснуть и направился в свою лабораторию. А Гарри и не притворялся, что пытается поспать; он сидел на кровати – даже не сняв покрывала; Минни голову ему оторвет за то, что он и не подумал лечь, – в компании книги, которую Николас подарил ему на последнее Рождество, свитков, которые он взял из его хранилища, и своего собственного открытого перед ним дневника. На рассвете он переправил все в свою лабораторию. При себе он оставил только один свиток, который принес на завтрак; тот был старым, а бумага тонкой.

И было что-то среди множества символов, написанных на нем... Тот сигил, расположившийся в середине листа... Быстро нацарапанная внизу страницы пометка... Он подозревал о существовании этого свитка, и Николас, похоже, постарался, чтобы его легко можно было найти, вложив его в одну из книг, которая, как он знал, сразу же заинтересует Гарри. Такое не могло быть случайностью.

Зеленоглазый мальчик сидел за кухонным столом напротив очень обеспокоенного – и усталого – мастера зелий. Не то чтобы сам Северус не горевал; ему было так же больно, как тогда, когда умерла его собственная мать, и Николас был единственным достойным отцом в его жизни. Но он все понимал. Насколько мог, по крайней мере. Фламели сделали свой выбор; пускай он с этим выбором не согласен, но это все равно их выбор.

Они поняли, что, сохранив Философский Камень, подвергнут опасности тех, кто им был дороже всего, а с ними и все магическое сообщество. Так что Николас просто решил этого не делать, и Перенель последовала за ним. Пускай он знал, что это было ответственным поступком, что их жертва может спасти много жизней, но Северус ничего не мог с собой поделать, он желал, чтобы они проявили немного эгоизма. И тем не менее он говорил себе, что все понимает.

Гарри – другое дело, думал мастер зелий. С того момента как они вчера около полудня покинули кабинет адвоката он почти все время молчал. Он только схватил какие-то книги и несколько алхимических дневников, ушел в свою комнату и не появлялся до самого утра. Он вроде бы не хотел разговаривать, и Северус не собирался на него давить. Гарри пытался по-своему справиться с произошедшим, и Северус прекрасно его понимал. Все же, он надеялся, что мальчик сумеет пережить и излить скорбь, которую держал внутри. Он был вынужден скрывать ее целую неделю, и теперь не позволял ей выплеснуться наружу.

Скорбь Гарри, в сочетании со страхом потерять своего брата и виной – с точки зрения мастера зелий, совершенно неуместной – за смерть Квиррелла загнала мальчика в состояние глубокой отрешенности, какой ни один ребенок его возраста – каким бы замечательным он ни был – испытывать не должен.

Северус наблюдал, как Гарри без аппетита ел, косясь зелеными глазами в старый свиток, который принес с собой и положил на стол рядом с тарелкой. Тот был заполнен непонятными тайными алхимическими символами, которые не имели для зельевара вообще никакого смысла, но которые мальчик, видимо, прекрасно понимал. Внезапно Гарри уронил вилку и закрыл глаза, его рука, которая тронула – почти лаская – свиток, задрожала.

– Гарри? – окликнул Северус, стараясь говорить спокойнее, чем диктовало его бешено застучавшее сердце.

В ответ мальчик открыл глаза, отчего Северус почти пожалел, что вообще его прервал, о чем бы он там ни думал. На мгновение Северусу показалось, что Гарри наконец сможет пролить слезы, которые сдерживал все это время. Потом он понял, что этот взгляд пылает изумрудным огнем не от боли или тоски – хотя, Мерлин, оба чувства остались там. Это была решимость.

– Я в свою лабораторию, – сообщил мальчик, подхватывая – вновь твердой – рукой со стола свиток. Он сделал несколько шагов и остановился, через плечо оглянувшись на Северуса. – Мне может потребоваться некоторое время.

Мастер зелий кивнул; по крайней мере, он будет чем-то занят, подумал он.

– У тебя времени сколько угодно.

Гарри кивнул в ответ и быстро вышел из комнаты. Он знал, что должен быть благодарен за понимание – его папа Северус был удивительным, даже очень, думал он, – но плотина вокруг его сердца мешала превратить это знание в настоящее чувство. Может быть, и не плотина, подумал Гарри; оно больше походило на зияющую дыру, бездонную пропасть, которая окружила его сердце. Любые новые эмоции, которые пытались туда проникнуть, исчезали в ее глубинах, и в то же время она сохраняла все те причиняющие боль чувства, которые оказались внутри как в ловушке.

Он вошел в свою лабораторию и замер, на секунду его решимость дала сбой. Последний раз когда он тут был, здесь проходил его последний перед отъездом в школу урок алхимии – при слове «последний» он поморщился: если бы он только знал тогда, насколько окончательным он будет – вместе с Николасом. Он тогда пообещал, что, вернувшись летом, вычислит основную концепцию последнего этапа, необходимого для создания Камня, и алхимик усмехнулся, заявив, что меньшего он и не ждет. Ну, еще Гарри думал, что тот будет с ним, но его не было. Он крепко зажмурился и глубоко вдохнул, прежде чем разразиться бурной деятельностью.

Книги были открыты, а записи готовы подсказывать, когда алхимик-ученик погрузился в свою работу. Теперь у него была цель; он не собирался останавливаться, пока не завершит то, что начал. Он должен это сделать. Он просто должен.

Завершился день, потом ночь. Северус не предлагал прерваться, не предлагал выйти из лаборатории. Вместо этого он приносил ему еду и даже попросил разрешения поставить внутри удобный диван, на котором Гарри теперь проводил большую часть своих ночей, засыпая

прямо там. Сам мастер зелий занял лабораторию рядом с Гарри и тоже погрузился в свои исследования. Изнурять себя было не самым лучшим способом справиться с ситуацией, но они с Гарри сами выбрали эту отраву.

Дни шли, ночи летели, миновало чуть больше месяца, за время которого Гарри редко покидал лабораторию, только чтобы посетить западную башню, дабы взглянуть в подзорную трубу и сделать несколько быстрых заметок о ходе наблюдений. И однажды, утром среды в середине июля, на рассвете, Гарри закончил.

Он вышел на середину помещения, где находилась неглубокая, ну... ладно, конструкция из темного камня, на треть заполненная четырнадцатью дюймами* воды. Гарри минуту задумчиво смотрел на холодную воду; вот оно. Он не смел надеяться, все еще оставалась возможность допустить ошибку. К тому же, его чувства не совсем вернулись в норму. Он еще раз убедился, что у него под рукой находятся все необходимые ингредиенты. Уверившись в этом, Гарри направил палочку в потолок:

- Адвентум!**

В ответ на заклинание сигил окрасился золотым светом, его магия была активирована. Круг охватывал большую часть потолка, а его центр находился прямо над колодцем. Все тщательно рассчитано, алхимические символы переплелись с рунами. Центральным элементом служила самая большая, восьмилучевая звезда, хотя в сложном симметричном комплексе сигиллов с прочими символами сплелись и гептаграммы, и гексаграммы и пентаграммы***. Гарри на мгновение взгляделся в свою работу; эта конструкция отняла у него две недели; две недели почти без сна и отдыха, но конечный результат того стоил, подумал он.

Он снова обернулся к воде и улыбнулся; он начал добавлять ингредиенты в правильном, как он надеялся, порядке, проворно помешивая заклинанием, когда считал это необходимым; пока процесс не будет завершен, ничему, кроме ингредиентов и магии, не дозволено касаться поверхности жидкости. Варевое сменило много цветов, и вот, наконец, спустя два часа, из колодца поднялся белый туман и растекся по всей комнате. Гарри убрал свою палочку и поднес руки раскрытыми ладонями к воде, готовясь провести первый в своей жизни ритуал.

Concitant et resurge

Mutabis, solidatae

Tu reges metalla iam

Tu vitam aridiate produces****

Его ладони светились тем же светом, что и печати сигиллов, два золотых сигила появились на них. Вода принялась кипеть и закручиваться, образуя водоворот, а внутри, в центре, появился тот же золотой свет. Жидкость изменилась и породила туман, который охватил ее, при этом не

истаивая; скорее казалось, что он тянулся к яркому свету в центре. Чем больше там собиралось тумана, тем сильнее свет перетекал из золотого в красный, пока не стал темно-алым. Руки Гарри жгло, но он не смел даже моргнуть, боясь что-то пропустить.

И вдруг вращение остановилось, сияние от его ладоней сошло на нет, и теперь свет исходил лишь от сцилла на потолке, поскольку факелы на стенах где-то в ходе ритуала погасли. Он посмотрел на свои ладони и почти удивился, найдя их неизменными, хоть и знал, что шрамов остаться было не должно; у него получилось, он чувствовал это. Взмахом руки разогнав над колодцем последние следы тумана, он заглянул внутрь.

Пока Гарри был занят в своей лаборатории, Северус рано поднялся и, как он это делал весь последний месяц, направился к теплицам. Он был вынужден расширить уже существующие, поскольку растений Перенель оказалось слишком много для его теплиц. Он молча прошелся среди редких образцов флоры, то здесь, то там касаясь листьев; растения, словно понимая, что их хозяйки не стало, уже подвяли, жизнь в них поддерживали только магические заклинания, которые Северус накладывал каждый день. Он не знал, что с этим делать, точно так же как не знал, что делать с Гарри.

Зеленоглазый мальчик не выходил из своей лаборатории, только навещал западную башню, и мастер зелий волновался. Если так пойдет и дальше, ему придется взять ситуацию в свои руки. Гарри должен прекратить мучить себя тем, чем он там занимается; может быть, это время уже настало... Да, подумал Северус; он должен сказать Гарри покинуть лабораторию, скоро, после обеда. Может быть, старая добрая верховая прогулка до озеро будет...

- Папа? - прозвучал за его спиной голос Гарри, заставив его подпрыгнуть. Голос был немного хриплым от того, что им долго практически не пользовались, но все равно несомненно принадлежал Гарри. Северус повернулся и, да, это действительно был Гарри, державший в руках сверток синей ткани.

- Гарри? - посмотрел на мальчика Северус; тот явился бледным от усталости, с темными кругами под глазами. Но сами глаза искрились жизнью ярче, чем когда-либо с момента инцидента с Квирреллом. - Ты закончил свой проект? - спокойно спросил он.

Гарри кивнул.

- Да, - кратко подтвердил мальчик и направился к столу, где стояло несколько пустых горшков. Он положил туда ткань, и только тут Северус заметил, что в нее что-то завернуто. - Здорово я загулял, верно?

- Все в порядке, Гарри, - заверил его Северус, совершенно счастливый, что тот выбрался из подземелья. - А чем ты был занят?

Гарри слегка улыбнулся.

- Вот этим, - сказал он, указывая на ткань. - Почему бы тебе не развернуть?

- Хорошо, - заинтересованно отозвался мастер зелий и прикоснулся к ткани. Он затаил дыхание; что бы там ни было, оно источало очень мощную магию. Он чувствовал, как магия просачивается сквозь ткань, покалывая ладони. Он осторожно прикоснулся к ткани, разворачивая скрытое внутри; что бы это ни было, оно было довольно маленьким и... - Что за... Гарри!

Северус в полном шоке смотрел на обсуждаемую вещь. Этого не могло быть. Не могло! Он поднял глаза на Гарри, который мягко улыбался, правда, улыбка так и не достигла глаз.

- Даже странно, сколько хаоса может сотворить эта вещь, - произнес он, мягко смотря на уже развернутую ткань. Там, в складках синего бархата, не превышая размером грецкого ореха, лежал темно-алый кристалл. Он лежал там, он выглядел столь невинно, но оба волшебника знали, что все не так, как кажется. - Ты можешь к нему прикоснуться, Сев; он не укусит, я обещаю.

Северус так и сделал, протянул руку и поднял кристалл. Тот был прохладным на ощупь, холоднее, чем должен быть обычный кристалл. Ошибки быть не могло.

- Философский Камень, - хрипло, с недоверием произнес мастер зелий. - Твоим проектом был... Ты его сделал? - спросил он, положив камень на место, почти боясь слишком долго его держать.

Вместо ответа Гарри задрал свою рубашку; один из символов вокруг его эмблемы, тот, который обозначал алхимию, стал теперь темно-красным, того же цвета, что камень.

- Да, сделал, - подтвердил Гарри, сам глядя на Камень, позволив своей рубашке опасть обратно. - Он такой ужасно маленький, верно? - закрыв глаза и вздохнув, спросил Гарри.

Его слова привели Северуса в недоумение. Это вообще считалось невозможным. И все же, Камень существовал, а у Гарри существовал знак, отмечающий его мастерство в алхимии, и грустная улыбка, которая говорила, каким незначительным все это являлось в данных обстоятельствах.

- Гарри, это... Это... - он вздохнул, успокаиваясь. - Ты понимаешь, что ты сделал?

- Вполне, - отозвался Гарри, его улыбка стала немного шире. - В конце концов, это отняло у меня целый месяц.

- Целый месяц? Гарри, месяц? - недоверчиво переспросил Северус, нервно, трясущимися руками отбрасывая волосы назад. - Другим требовалась вся жизнь, и большинство так и не добилось успеха. Только Николас...

- Вообще-то, не только; были другие, и до, и после него, - перебил Гарри. - Они просто неправильно использовали Камень, и это привело к их преждевременной насильственной кончине от рук тех, кто жаждал его для себя. Даже сам Николас создал свой первый Камень, когда ему было четырнадцать.

Благоговение Северуса ничуть не уменьшилось.

- Тебе еще нет и двенадцати, Гарри, - терпеливо ему - и самому себе - напомнил он.

- Ну, я много лет учился под руководством Николаса. И я действительно хотел доказать... - Он сухо хмыкнул. - Ты знаешь, я даже не помню, что я хотел доказать!

Он принялся хихикать, а потом расхохотался; звучало немного странно на слух - слишком напряженно, - но принужденность исчезла. Северус посмотрел на него, словно опасался за его рассудок.

- Гарри?

- Ой, я просто понял, что сделал Философский Камень просто так!

И от этого объяснения он снова засмеялся явной абсурдности ситуации, заставив Северуса присоединиться к нему.

- Мне не нужно говорить тебе, насколько это все удивительно, Гарри; хотя «удивительно» в данном случае преуменьшение. - Взгляд Северуса упала на Камень. - Он такой маленький, - признал он, отчего они оба снова захихикали. - Итак, ты теперь мастер алхимии?

- Если это чего-то стоит, - поделился Гарри, сам глядя на Камень.

- А ты уже решил, что будешь делать с Камнем?

Гарри задумчиво наморщил лоб; об этом он не подумал. Он просто хотел чего-то, что удержало бы его, чего-то, чтобы доказать, что Николас в некотором смысле все еще с ним. Он отвел глаза от красного камня и огляделся, впервые заметив состояние растений. Это были растения Перенель, осознал он. Кажется, они не очень хорошо пережили переезд. Вдруг сомнения исчезли.

- Да. Да, я решил, - произнес Гарри и, пока Северус продолжал смотреть на Камень, вытащил палочку.

- И что же? - спросил тот.

- Редукто! - выкрикнул Гарри, яркий белый луч заклинания превратил камень в мелкую пыль.

Северус дернул головой, быстро переводя взгляд с пыли-которая-раньше-была-Философским-Камнем на Гарри.

- Что? - спросил он, в глубине души зная, что Гарри поступил правильно. Хотя он бы предпочел, чтобы его заранее предупредили!

- Помнится, мы пришли к выводу, что от Философского Камня больше проблем, чем оно того стоит, - с улыбкой сказал Гарри.

- Ты не мог меня сначала предупредить? - спросил Северус, шутливо вскинув бровь. - Я уже не молод, знаешь ли; а если бы у меня случился сердечный приступ или что-то подобное?

Гарри рассмеялся, поражаясь, как легко стало на сердце. Казалось, что, наблюдая, как камень превращается в пыль, он обрел некую завершенность.

- Знаешь! - хихикая, предупредил он. - Если дело дойдет до того, что ты решишь умереть от старости, я сделаю тебе еще один Камень. Договорились?

- Договорились, - отозвался Северус, смеясь в ответ. - Так я предполагаю, что Камень в таком виде бесполезен?

- Его нельзя восстановить магией, да и большую часть своих возможностей он потерял; хотя его все еще можно использовать для создания эликсира жизни, - серьезно поделился Гарри.

- Тогда что ты собираешься делать с пылью? - обеспокоенно спросил Северус.

- А ты посмотри.

С помощью пары быстрых заклинаний и нескольких взмахов палочкой красная пыль взмыла в воздух и маленькими порциями осела в горшках теплицы. Не обращая внимания на растерянность мастера зелий, Гарри подошел к крану и повернул его, распыляя воду над растениями. Прошло всего несколько минут, прежде чем растения начали впитывать то, что осталось от Философского Камня; реакция последовала незамедлительно.

Казалось, все коричневое превратилось в зеленое или лиловое, даже красное, вне зависимости от того, какого цвета оно должно было быть от природы; растения вокруг росли и зацветали, и выглядели здоровее, чем когда-либо, на зависть любому гербологу в волшебном мире. Северус озирался в изумлении. Гарри что, вот так просто?..

- Вот, - с улыбкой подытожил Гарри. - Думаю, Николас бы одобрил, тебе не кажется?

- Эм, Гарри?

- Да, Сев?

- У меня проблемы со зрением, или ты правда использовал Философский Камень как обычное удобрение?

На это заявление Гарри пару раз тупо моргнул.

- Ну, оно же сработало, верно?

Мгновение они смотрели друг другу в глаза, а потом снова рассмеялись. Боль все же не исчезла, она не покинет их еще очень долгое время; но теперь они по-настоящему могли оставить ее в прошлом.

<http://tl.rulate.ru/book/73471/2026665>